

Михаил СЕРЕГИН

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ
ПОЛОЖЕНЕЦ

ПРАВИЛЬНЫЙ ПАХАН

Михаил Георгиевич Серегин
Правильный пахан
Серия «Положенец»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167294

Правильный пахан: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-22984-0

Аннотация

Чтобы зэку получить погоняло Крытый, надо иметь богатую лагерную биографию. И, конечно, лютую злость и несгибаемое упорство матерого волка. Таким и является Григорий Рублев, авторитетный положенец. Такой человек и должен держать город в крепких руках. Но какой может быть порядок, когда два крутых авторитета наезжают на настоятеля местной церкви? Да еще эти головорезы ограбили на пол-лимона баксов его кореша по зоне. Крытый знает, что с этими бандитами договориться нельзя, так что он будет наводить порядок своим способом – стволом и гранатой...

Содержание

Пролог	4
ГЛАВА 1	22
ГЛАВА 2	32
ГЛАВА 3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Михаил Серегин

Правильный пахан

Пролог

«Жизнь дается человеку только один раз, и нужно ее прожить на берегу Черного моря!» – весело замечают жители Причерноморья, и нельзя не отметить, что по-своему они совершенно правы: места тут исключительно красивые. В ясную погоду изумрудно-лазурное море нежно лижет своими волнами прибрежную гальку. Остроконечные скалы могучими сторожами заступили в самую воду. Морские чайки и бакланы проносятся над пенистыми волнами, высматривая свою добычу.

Когда на курорт спускается ночь, по всему побережью зажигаются огни ресторанов. Отдыхающий люд переодевается в вечерние туалеты и спешит туда. Клубы, бары, разнообразные кафе и игровые залы – все к услугам туристов, особенно тех, кто денег не считает и легко с ними расстается...

В одном из самых живописных местечек Крымского полуострова, неподалеку от города Ялта, находится Ливадийский дворец.

Представьте себе широкую лестницу белого камня, бегущую от невозможно роскошного творения человеческих рук к берегу моря. По бокам застыли белокаменные львы. Поднявшись по ней, вы окажетесь в чудесном дворце персидского шаха. Но если обойти с противоположной стороны дивное строение, вы попадете в норманнский средневековый замок, его высокие стены с узкими бойницами взметнулись к небу на недоступную неприятелю высоту. Возникает ощущение, что всего за несколько минут до вашего прибытия бойницы покинули лучники и герцог со своей свитой пронесся по двору, отправившись гнать оленя.

Таков Ливадийский дворец, объединивший в себе четыре совершенно разнообразных архитектурных стиля. Он символизирует собой, по замыслу создателя, четыре стороны света: юг, север, восток и запад.

Российские державные властители всегда жаловали его. И надо справедливости ради сказать: есть за что!

Рядом примостился небольшой поселок, по имени которого и получил свое название знаменитый дворец, в котором величайший вождь всех времен и народов товарищ Сталин в сорок пятом проводил историческую Ялтинскую конференцию, гостеприимно приняв Рузвельта и Черчилля.

Поселок Ливадия не отличался многочисленностью населения и красивыми современными строениями. Одноэтажные домики усыпали склон горы. Глаз радовало южное обилие зелени.

Гордые платаны и стройные кипарисы украшали пыльные улицы, из-за обилия солнечных лучей выглядевшие так, словно неизвестный художник поверх основного колера нанес еще тонкий слой ярко-желтой краски. Все тонуло в летней жаре. Нескончаемые ряды виноградников тянулись вверх по склону.

Но обычная сонная идиллия небольшого поселка в то утро была нарушена совершенно неожиданными звуками.

* * *

Молодой участковый только собирался отправиться на море по случаю выходного дня, как к нему прибежал сосед и, вытаращив глаза, затараторил:

– Ну и хрен с ними, что они друг друга мочат, хрен с ними! Но трактор мой зачем взяли!..

– Да кто кого мочит, Саня? Сядь ты и расскажи поподробней!

Сорокалетний мужчина был крайне взволнован и никак не мог успокоиться. Он только махал руками и нес что-то бессвязное про совсем обнаглевших бандитов. Потом, махнув рукой последний раз, в сердцах выпалил:

– Да ты выйди на улицу и послушай!

Участковый прислушался. Даже сквозь толстые стены доносились звуки, которые ему сразу не понравились. Как сказал бы его наставник в школе милиции казенным языком,

велась стрельба из нарезного стрелкового оружия, а именно – из автомата системы Калашникова!

Молодой человек быстро оделся и выбежал на улицу. Затем, вспомнив, что забыл свой «ПМ», вернулся. Схватив оружие, он вновь выскочил на улицу и застыл, не зная, что дальше делать.

– Ты что, уж не воевать ли с ними собрался?! – покосившись на пистолет в его руке, удивился сосед Саня. – Иди до центра и звони! Пусть спецбригаду присылают! А еще лучше подожди, когда они друг друга укокошат, и тогда уже вызывай. Нечего из-за всякой сволоты нормальным людям под пули лезть!

Рассерженный Саня потопал до своей калитки, а участковый, почесав голову, убрал пистолет в кобуру и, прислушавшись к доносившимся с окраины поселка звукам боя, безнадежно махнул рукой. Затем решительно развернулся и направился к себе в участок.

* * *

Между тем на окраине поселка события и в самом деле разворачивались нешуточные.

Автоматы строчили, не скупясь на патроны. «Там-там-там! – молчок, затем опять: – Там-там-там!» В ответ пистолетное «пах, пах!».

В Ливадии такого еще не было. Впрочем, в последнее вре-

мя в стране начало твориться такое, что и сам черт не разберет! Газеты почти каждый день сообщали, что там обстреляли машину, а там разнесли кафе чуть ли не в черте города! Милиция только констатировала, что трупов имеет место быть столько-то и столько, и получились они, эти самые трупы, в результате бандитских разборок между такой-то и такой группировками. Затем значимо добавлялось: «Ведется следствие». И все! Впрочем, гражданское население понимало, что во внутренних органах тоже задерживают зарплату, и без того нищенскую. Да и какой резон блюстителям порядка лезть под бандитские пули и спасать бандитов от самих себя?! Те хоть знают, что делают. Поэтому простые смертные к этим заявлениям относились равнодушно-пассивно, тем более что число их не иссякало. Обыватели лишь крестились после очередной перестрелки или погрома и молились, чтобы, не дай господи, не попасть в такую кашу.

В это утро эхо бандитской жизни, раздольно гулявшей в девяностых годах по постсоветскому пространству, аукнулось и в мирной Ливадии.

Звуки стрельбы доносились с окраины поселка. Объектом атаки группы «ребятишек», вооруженных не хуже мотострелкового взвода регулярной армии, была небольшая одноэтажная постройка из серого булыжника с плоской черепичной крышей. Когда-то строение было небольшой винокурней. Теперь в ней укрылись несколько человек, и они отстреливались от нападавших, сдерживая таким образом их

натиск.

Мордатый розовощекий паренек с короткой, выгоревшей под жарким южным солнцем до абсолютно белого цвета шевелюрой залег на крыше такого же одноэтажного дома напротив. Он деловито лупил короткими очередями из «калаша» по окнам-бойницам бывшей винокурни. Именно звуки работы его автомата разносились по всему поселку. В ответ из сарая доносились скупые pistolетные выстрелы. Край черепичной крыши рядом с головой стрелка неожиданно взорвался мелкими глиняными осколками.

Белобрый паренек перекатился по крыше, вставил новый рожок. Передернул затвор и крикнул что было мочи:
– Давай! Двигай!

После этого он дал по окну длинную очередь, не скупясь на патроны.

Едва отзвучал последний выстрел, как послышался звук совершенно иного рода. Работал дизель. Действительно, вскоре из-за угла двухэтажного здания, расположенного метрах в ста от винокурни, вывернул бульдозер. Направлялся он напрямиком к каменному сараю, в котором укрывались неизвестные люди.

Бульдозер катил по улице со скоростью, предельно для него возможной. За ним укрылись четыре человека, по два на каждую сторону. Ребятишки, судя по наличию у каждого «калаша», настроены были весьма серьезно.

Белобрый тем временем вставил новый рожок с патро-

нами и вновь принялся поливать винокурню свинцом. Летели в воздух обломки черепицы, пули рикошетили от булыжников стен, противно визжа.

Бульдозер подошел уже совсем близко, и бойцы стали по очереди выныривать из своего укрытия и палить короткими очередями по окнам.

Неожиданно замолчал автомат белобрысого крепыша. Некоторое время слышно было только тарахтение мотора и лязг гусениц бульдозера. Пистолеты осажденных тоже замолчали.

– Наверху, бля! – послышался возглас одного из четверки бойцов, укрывавшихся от пуль за бульдозером.

У самой крыши из небольшого слухового окна высунулась труба гранатомета.

– Атаc! – заорал все тот же голос, и обладатель его метнулся назад, но было уже поздно.

«Бам-м!» – гулко ударил по ушам взрыв. Рыже-желтые языки пламени рванулись вверх.

«Бам!» – раздалось следом, и к небу взметнулся еще один рыжий язык пламени, окантованный черным густым дымом. Дым этот, завихряясь и крутясь черным грибом, поднялся вверх и на секунду даже затмил солнечный свет.

Гусеницы бульдозера залило полыхающей соляркой из разорвавшегося бака с топливом. Один из бойцов не успел откатиться и теперь вопил, стараясь стянуть с себя через голову горящую майку. Раздался всего один пистолетный вы-

стрел, и страдания несчастного прекратились. Он ткнулся лицом в землю и застыл. Факел на спине больше уже не волновал мертвого.

Один из четверки, отталкиваясь прикладом «калаша» от желто-коричневой земли, подтягивал свое тело поближе к бульдозеру. Сквозь черный дым он высматривал цель.

Боец был ранен в ногу. При взрыве острая железяка вспорола брючину выше колена и длинным косым разрывом распахала кожу до мяса.

Высмотрев наконец то, что ему было нужно, бандит смачно, от души выmaterился и затолкал заряд в подствольник. Аккуратно прицелился и нажал спуск. Граната залетела в то самое слуховое окно. Саданул взрыв, потрясший всю винокурню. Как старое строение не рассыпалось на месте – оставалось только гадать. Следом за взрывом раздался истошный крик, и через дверь выбежал орущий от боли человек, напоминая собой один сплошной факел.

Нападающие не заставили себя долго ждать, и живой факел швырнуло к двери градом пуль, выпущенных сразу из трех «калашей».

Белобрысому надоела эта перестрелка, и он приступил к более решительным действиям.

Достав гранату, парень выдернул чеку и отправил «РГД» на крышу винокурни. Взрыв разметал черепицу, сотворив основательную дыру в кровле. Следующая граната полетела уже в дыру. Мощный взрыв выбросил из окна что-то крова-

вое, оттуда же полетели какие-то щепки, тряпки.

Мордатый паренек деловито спрыгнул вниз и запустил в окно еще одну «РГД-5». Распластавшись на земле, он подождал, пока ухнуло. Рядом с его головой прокатился здоровенный булыжник, вывороченный взрывом из стены.

– Во, бля! – удивленно посмотрел на него мордатый и, быстро вскочив на ноги, направил свой «калаш» в сторону полуразрушенного здания.

Но эта мера была уже излишней. Из окна и дыры в крыше валил густой дым. Внутри же самого сарая весело потрескивало пламя. Других звуков слышно не было. Неожиданно взгляд белобрысого наткнулся на тот самый красно-белый предмет, который выкинуло из окна взрывом.

Оказалось, что это человеческая рука. Белым был рукав рубашки. Вернее сказать, белым он был когда-то.

Мордатый паренек задумчиво посмотрел на него и махнул рукой. Тут к нему подтянулись двое других.

– Грачу ногу распахало, – мрачно мотнул головой один из них в сторону сидевшего за развороченным бульдозером хлопца.

– Главное – жив, – усмехнулся белобрысый. – А нога нехай, до свадьбы заживет!

– Ваньку Клифта убили, – мрачно заметил другой.

– Видел, – помрачнел старший бригады.

Он без всякого страха, понимая, что никто из противников выжить никак не мог, подошел к проему двери, заглянул

внутри и почти сразу вернулся к корешам.

– Пошли, нам тут делать больше нечего. Ваньку заберите и Грачу помогите, – коротко распорядился он и, не оглядываясь, зашагал по желто-красной глинистой дороге.

* * *

Между тем Ялта жила своей жизнью. Курортники культурно отдыхали, местные потихоньку занимались своими делами, троллейбусы и автобусы бегали по привычным маршрутам, таксисты держали боевые посты у автовокзала, ожидая приезжего денежного человека, желающего воспользоваться их услугой. Словом, город жил обыденной жизнью, нисколько не подозревая, что в каких-то пятнадцати километрах только что закончилась самая настоящая битва.

Из окна первого этажа желтой пятиэтажки, открытого настежь по случаю летней жары, смотрел на мир изнемогающий от зноя человек в милицейской форме. Он обмахивался фуражкой и тоскливо выглядывал в окно, забранное толстыми стальными прутьями решетки, окрашенной в серый цвет.

Капитан Шевко только что заступил на пост дежурного по ГУВД, и ему предстояло сидеть здесь еще целые сутки, отчего и настроение у него было соответствующее.

– Семен, сколько там по Фаренгейту? – лениво спросил он своего помощника, старшего сержанта Цыганенко.

– Ась? – ничего не поняв, вытаращил тот карие хохлацкие

глаза на круглом простодушном лице.

– Говорю, градусов сколько? – насмешливо переспросил капитан. – Доперло?

– А что градусов? – пожимая плечами, отвечает старшой. Потом вздохнул и, глядя в потолок, философски добавил. – Градусов, как в той горилке, за сорок!

Ему тоже жарко. Он расстегивает верхнюю пуговицу летней форменной рубашки и, посмотрев на старшего, также снимает фуражку. Затем, покопавшись в карманах, достает сигарету и вопросительно смотрит на капитана. В дежурке курить не полагалось, тем более утром, когда все начальство было здесь, на месте. Капитан понял вопросительный взгляд помощника и лениво бросил:

– Попозже, Семен. Сейчас шеф спускаться будет. Ему в Симферополь ехать надо сегодня с утра.

Цыганенко, вздохнув, убирает сигарету в пачку и задумчиво смотрит на телефон.

«Скорей бы лето закончилось! – мечтательно думает он. – В октябре – отпуск. Возьму жинку и Наташку и поедем в Харьков к брату. Год, почитай, не видел его!»

На стене дежурки висит план города и его ближайших окрестностей. Шевко скосил глаза в сторону входа.

«Слава богу, сейчас спокойно! – лениво подперев голову кулаком, подумал дежурный капитан. – Совсем не то, что осенью прошлого, девяносто четвертого года!»

Он вспомнил, как на окраине Ялты две группировки

устроили тогда разборку прямо в шашлычной. Тогда выезжала его группа. Живо перед глазами встала картина того дня: пять трупов, застывших в самых невероятных позах. Двое прямо в шашлычной, один в салатного цвета «Вольво», изрешеченного автоматными очередями под дуршлаг. Еще один – на дороге. Видно, пытался убежать, но очередь догнала бандита. Пятым был сам шашлычник. На его быстро коченеющем лице навсегда осталось испуганно-удивленное выражение.

Дело пробыло в производстве полгода, затем благополучно ушло в архив. Негласно все знали, что разборка была между ялтинской и севастопольской группировками. Знали лидеры этих группировок и даже догадывались, кто за каждым из них стоит. Но доказать, как часто тогда случалось, ничего не удалось. Тем более что на следующей неделе произошло новое убийство.

Капитан посмотрел на другую стену, где на календаре за тысяча девятьсот девяносто пятый год изображена была гарная дивчина в купальнике. Она весело смеялась, усевшись на носу крутого морского катера. Дивчину эту притащил старлей Коленюк Андрюха. Он же собственноручно и повесил плакат в дежурке.

«Да, в прошлом году было жарко. Редкая неделя обходилась без стрельбы. Сейчас вроде тихо. Друг друга поколотили, уроды, – и правильно сделали. Людям спокойнее, да и нам работы меньше!»

Едва только в голове капитана ленивой мухой проползла эта мысль, как зазвонил телефон.

Звонил участковый из Ливадии. Он, как и посоветовал умница-сосед, дошел-таки до своей конторы. К тому времени звуки канонады с окраины перестали доноситься. Подождав на всякий случай еще некоторое время, участковый набрал номер дежурки в Ялте.

«Ну вот, сам себе и накаркал!» – с тоской подумал Шевко и оказался совершенно прав.

По тому, как брови дежурного поползли сначала вверх, а затем опустились вниз, Цыганенко понял, что сейчас придется выезжать дежурной следственной бригаде.

– Чего там? – спросил он у капитана, когда тот положил трубку.

– В Ливадии, на окраине, бандиты Сталинградскую битву в миниатюре устроили, – набирая внутренний номер, быстро обрисовал любопытному сержанту ситуацию старший по званию.

– Хорошо еще, что они за городом свои бои устраивают, – вздохнув, заметил круглолицый сержант.

– Попробовали бы они такое в городе организовать, – усмехнулся дежурный, – в двадцать четыре часа «Беркут» всех бы положил! Спокойствие отдыхающих – это главный наш капитал, – назидательным тоном добавил он. – Ни бандитам, ни тем более достопочтенным гражданам на фиг не нужна никакая война в городе. Именно поэтому у братвы и

действует правило: никаких разборок в городской черте, все за ее пределами.

Они некоторое время молчали, пока в дежурку не заглянул тот самый старлей Коленюк, который вешал в свое время на стенку плакат с гарной дивчиной.

– Что там у вас такое? – прозвучал его вопрос.

– Это не у нас, это у вас «такое», – тут же подколот его Шевко. – Бандитская разборка в Ливадии. Трупы, может, есть и раненые – словом, все как положено.

– Ох, чтоб их!.. – махнул рукой старлей и выбежал на улицу.

Он поискал в карманах и извлек на свет пачку сигарет.

Закурив, Коленюк посмотрел на часы. Те показывали начало одиннадцатого.

Некоторое время старлей курил в одиночестве, затем дверь ГУВД открылась и выпустила наружу пожилого мужчину в гражданке с объемным саквояжем в руках.

– Петрович, Павлов там скоро? – полюбопытствовал у него Коленюк.

– «Беркут» вызывает, – коротко ответил тот.

– На хрена он нам? – удивился старший лейтенант. – Бандюки же уже отстрелялись!

– Капитану лучше знать, – назидательно заметил пожилой эксперт-криминалист. – Да и к тому же, – помолчав, добавил он, – береженого бог бережет!

– Так-то оно так, – решительным щелчком отправив чи-

нарик в сторону урны, согласился с ним Коленюк.

Некоторое время мужчины молчали, думая каждый о своем. Так прошло минут десять, и старлей вновь начал нетерпеливо поглядывать на наручные часы. Во двор управления вполз микроавтобус. Из него выскочил крупный русоволосый мужчина в камуфляже и бронежилете. «АКСУ» он оставил на сиденье и сейчас шел просто поздороваться с коллегами.

– А вот и наш славный «Беркут» прибыл! – сразу оживился криминалист.

Следователь Павлов как будто только этого и ждал. Едва старший спецподразделения покинул машину, Павлов вышел из управления, деловито зажав под мышкой папку.

– Ну, я вижу, все в сборе, – почти весело констатировал он и, не дожидаясь ответа, предложил: – Поехали, мужики, не будем зря терять время!

Все молча согласилось с такой постановкой вопроса. Троица из управления погрузилась в транспортное средство героического «Беркута», и микроавтобус запыхнул к выезду из города. Попетляв по улицам, он поднялся в верхнюю Ялту и наконец выскочил на трассу. Едва остался позади солнечный город, водитель заметно прибавил скорости.

– Да не гони ты так! – командир спецназовцев поморщился, сердито глядя на водителя. – Не разбегутся жмурики никуда!

Шофер стал менее усердно давить на газ, и машина пошла

спокойнее.

Стройные ряды кипарисов уплывали назад, молчаливо встречая и провожая урчащий мотором автобус.

– Что там приключилось? – чтобы разбавить затянувшееся молчание, спросил усатый командир беркутовцев своего коллегу из управления.

– Бандитская разборка, все как обычно, – ответил ему Павлов, деловито перебирая бумаги в своей папке. – Как общили жители, было похоже на настоящую войну.

– Если уже отстреляли, зачем было нас срывать? – недовольно поинтересовался усатый капитан.

– А кто его знает, отстрелялись они или нет? – вопросом на вопрос ответил ему Павлов и захлопнул папку.

Машина бежала по серпантину. Затем дорога спустилась к морю. Кипарисы по обеим сторонам трассы, как молчаливые часовые, встречали путников.

Наконец, после очередного подъема, последовал спуск, и микроавтобус вкатил в поселок Ливадия.

Остановившись у местного отдела милиции, командир спецназовцев послал бойца, и меньше чем через минуту тот вернулся с местным участковым. Пришлось потесниться. Однако ехать им предстояло недолго. Когда в поле зрения попал покореженный взрывом обгорелый бульдозер, усатый командир беркутовцев не выдержал и смачно выматерился.

– Вот стервецы! Ничего не боятся! Скоро на танках на разборки ездить будут!

Затем он дал команду своим молодцам на всякий случай проверить близлежащие строения. Через небольшой промежуток времени плечистый молодец доложил ему, что все чисто.

– Живых никого нема, – бодро и немного даже как-то радостно отчеканил он. – Только тела... даже и не тела, а так, одни куски!

Павлов зашел в полуразрушенную винокурню и присвистнул:

– Петрович, а ты еще хотел, чтобы я с Лидочкой сюда ехал! Ты только посмотри, что тут творится.

После взрыва гранат заднюю стену бывшей винокурни разнесло, и теперь там зиял большой прогал. Пожилой эксперт заглянул через него, поправил очки на крупном мясисто-носу и только покачал головой.

– Как описывать будем? – фотографируя общую картину, деловито осведомился он у старшего опергруппы.

– Так все и пиши, как есть. Обнаружены фрагменты человеческих тел... – Хоть Павлов и выдавал цеу бодрым голосом, но по интонации чувствовалось, что он сам до конца не уверен. – Голова одна, туловище. Нога, предположительно... Фу черт! Сфотографируй все сначала, потом описанием заниматься будем. Что скажешь, Андрей? – обратился он к старшему лейтенанту.

– Скажу, что одними автоматами и пистолетами тут дело не обошлось, – закуривая сигарету, ответил тот, – бульдозер

явно из гранатомета зафигачили. «Муха» называется. Тут, кстати, в соседней комнате, она, эта самая «Муха», и валяется. И стрелок в комплекте с ней. Впрочем, остальные тоже здесь, по частям.

– Свидетелей, как я полагаю, нет? – кисло поглядывая на участкового, поинтересовался Павлов.

Тот, явно непривычный к подобному зрелищу, еле держался, чтобы не вывернуть наружу свой завтрак. Младший лейтенант на вопрос о свидетелях только испуганно замотал головой.

Павлов сардонически усмехнулся. «Я так и думал!» – красноречивей любых слов говорил его взгляд.

Работы для оперативной следственной бригады было больше чем достаточно. Но Павлов уже знал по опыту, что дело закончится ничем. Повисит некоторое время нераскрытым «глухарем» и спокойненько уйдет в архив.

Но работа есть работа! Поэтому еще почти час бригада копалась на месте происшествия. За это время прибыла труповозка, и обгорелые останки человеческих тел увезли в ялтинский морг.

Больше всех недоволен был усатый командир взвода подразделения «Беркут». Недоволен тем, что его потревожили совершенно зря.

ГЛАВА 1

Отгремели громкие бандитские разборки. Жизнь стала более спокойной и вялой. Вместо ковбойских перестрелок в моду вошли заказные убийства, и не только на территории суверенной Украины, но также и в остальных дружественных независимых государствах, некогда образовывавших единый и нерушимый могучий союз.

Та разборка в Ливадии, последствия которой столь старательно разгребала опергруппа капитана Павлова, давно уже была забыта как правоохранительными органами, так и местным населением. Да это и неудивительно, ведь с тех пор прошло семь лет, и многое в жизни переменилось. Только останки винокурни, так и не отстроенной заново за полной ненужностью, напоминали, что некогда тут разгорелся жестокий бой.

Неизменным оставалось только ласковое Черное море. И летом в бывшую всесоюзную здравницу, как и раньше, съезжается масса желающих загореть, поплескаться в лазурных водах – словом, отдохнуть на все деньги и на полную катушку. Хотя в последнее время у крутых в моде все больше Канары, Мальдивы и другие известные зарубежные курорты, но и побережье Черного моря в курортный сезон отнюдь не пустует.

Ялта, как и любой другой курортный город Крыма, с на-

чала лета и до конца сентября переживает наплыв отдыхающих. С их прибытием жизнь заметно оживает. Что и говорить, ведь они – главный источник дохода.

«Интурист-Ялта» – одна из лучших гостиниц на Южном побережье Крыма. В разгар сезона свободных мест в ней практически не бывает. На пляже при гостинице их не бывает тоже, особенно в утренние часы.

Отдыхающие лежат на шезлонгах, махровых простынях. Некоторые, выскакивая из воды, падают прямо на раскаленную гальку, подставляя жаркому солнцу мокрую спину.

Среди многочисленных отдыхающих в то утро находилась одна весьма необычная парочка.

На шезлонге, подставив широкую спину солнечным лучам, лежал мужчина лет сорока пяти. Все его тело густо покрывали татуировки. Чего только не запечатлел неизвестный художник: и церковный храм, и зажженные свечи, и оскал тигра на плече. Создавалось впечатление, что на теле этого человека больше синего тона, чем обычной кожи.

Человек, разбирающийся в «росписи», с уважением мог бы сказать, что обладатель столь роскошных татуировок в определенных кругах должен пользоваться большим авторитетом.

Так оно и было на самом деле. Человек с расписанным плечистым телом, жесткими черными волосами на голове, подсеребренными сединой у висков, и суровым, пронзительным взглядом серых глаз звался Григорием Ивановичем

Рублевым. В своих кругах его знали больше под кличкой Гриша Крытый. Второе имя свое он получил за то, что отбухал изрядное количество лет на зоне особого режима, на жаргоне именуемой «крыткой». По своему статусу Григорий был положенцем – то есть реальным кандидатом в воры в законе.

Рядом с ним на такой же шезлонг только что шлепнулась молодая девушка, вернее, почти еще девочка, если судить по реальному возрасту, а не по внешности. Катерине только исполнилось пятнадцать, но выглядела она вполне сформировавшейся девицей. Григорий, последнее время размышляя о своей внучатой племяннице, справедливо отметил, что статью она пошла в мать. Та также рано налилась формами, и уже в пятнадцать парни на нее смотрели как на потенциальную невесту.

Григорий покосился на девушку, тело которой было покрыто каплями морской воды, и подумал: «Скоро девчонке от женихов отбоя не будет, а ей ведь всего пятнадцать! Еще учиться два года».

Катерина лениво жмурилась на солнце, подставляя смазливое личико его лучам. Затем она перевернулась на живот и поинтересовалась:

– Дядя Гриша, а ты чего купаться не идешь?

– Пока не хочу, – коротко ответил Григорий.

Катерина внимательно посмотрела ему в лицо и поняла, что тот размышляет о чем-то своем. Чтобы не беспокоить,

Катя не стала задавать больше вопросов и, легко вздохнув, положила голову на руки и закрыла глаза.

Григорий привез Катюшу, которую любил без меры, на курорт отдохнуть от недавних событий, чередой развернувшихся в его родном городе. Девушке тоже досталось не на шутку. Несколько дней она была заложницей в руках двух ублюдков, и не подоспей Крытый с верным корешем вовремя, еще неизвестно, чем бы все закончилось! Слава богу, все обошлось, если не считать того, что Рублев в борьбе за свое право быть «смотрящим» в небольшом городке Веселогорске, расположенном не так далеко от Санкт-Петербурга, потерял почти всех своих друзей!

После очередной отсидки Крытый вернулся в город, в котором не был уже очень давно. Еще на зоне на воровском сходняке серьезные люди порешили, что быть ему «смотрящим» в родном городе. Однако перед этим долгое время пришлось наводить порядок. Город держал беспредельщик по имени Джафар, и свою власть отдавать просто так он не собирался. К тому же местный начальник ОБОПа, как оказалось, на этот счет имел собственные планы. Разыгралась самая настоящая война, в результате которой Крытый вышел победителем. В общем, все закончилось достаточно благополучно, и Григорий решил на время увезти Катерину из Веселогорска. На югах побывать он хотел давно. Причем не по делам, как это случалось обычно, а просто в качестве отдыхающего.

Как только он утряс все неприятности и передал на время бразды правления своему корешу Лысому, благодаря которому в основном и сумел разгрузить сложную ситуацию в родном городе, Крытый с племянницей махнул в Питер. Оттуда, не задерживаясь, самолетом в Симферополь.

Сейчас, растянувшись на шезлонге и подставив утренним лучам синюю трехглавую церковь на спине, он лениво думал о своем.

«Почему Лева застрял в московской пыли? Денег, наверное, всех никак не соберет? Жадный стал до крайности! Бизнесмен! – думал он о своем приятеле, обещавшем прикатить в Ялту на днях. – Отбухал офис на Тверской что твой дворец, и все ему мало! Как насос лавье качает, даже отдохнуть от забот некогда!»

Эта странная парочка обращала на себя всеобщее внимание. Если на Григория люди поглядывали по-разному, кто со страхом, кто с презрением, а кто и с искренним уважением, то на Катерину с нескрываемым удовольствием бросил хотя бы короткий взгляд почти каждый из мужчин, расслаблявшихся на пляже.

Вот и сейчас группа парней застыла у воды и, негромко разговаривая между собой, откровенно глядела в сторону юной девы.

– Димыч, смотри какая телка! – Парень лет двадцати с осветленными короткими волосами слегка толкнул своего приятеля локтем в бок. – Слабо тебе закадрить?

– Ты видишь, какой дядя с ней рядом лежит? – лениво ответил Димыч и сплюнул себе под ноги, явно рисуясь перед приятелями. – Хотя... нужно уметь со всеми находить общий язык! На то я и «гомо сапиенс», то бишь человек разумный! А девушка действительно хороша. – Картинно подперев подбородок указательным пальцем, парень изобразил на своем смазливом лице глубокую задумчивость.

Приятели с интересом наблюдали за Димычем. Он был неоспоримым лидером в компании, недавно проколол правую бровь и повесил в нее колечко. Никто больше не рискнул так «украсить» свое лицо. А Димыч смог! И вообще, он старался всегда и во всем переплюнуть своих приятелей. Вот и сейчас, нарисовавшись вдоволь, он разбитной походкой направился к шезлонгам, на которых загорали Крытый и его племянница.

– Доброе утро, мадемуазель, – присаживаясь на корточки возле Катерины, начал он. – Говорил ли вам кто-нибудь сегодня...

– Говорил ли кто-нибудь тебе, сынок, – даже не повернув головы в его сторону, перебил Крытый, – что канать отсюда пора?

Катерина как заправская кокетка лениво приоткрыла прищуренные от солнца глаза и глянула на паренька, с явным интересом ожидая его ответа дяде Грише.

– Извините за беспокойство... – подчеркнуто вежливым тоном обратился парень к Рублеву, но Крытый даже не дал

ему договорить.

– Слушай, голубь, не зли меня! – с плохо скрываемым раздражением процедил он. – Если тебе бикса нужна, то чаль в другое место. Моя племянница еще в школу ходит!

Изобразив на лице искреннее сожаление и даже огорченно вздохнув для видимости, Димыч поднялся и лениво пошлепал в обратном направлении. Приятели, с интересом наблюдавшие за демаршем своего друга, поняли, что расклад получился не по его сценарию. Теперь они ехидно поглядывали на Димыча и ждали, что он скажет по поводу столь очевидного поражения.

– Увы, увы! – состроив убитую горем мину, выдохнул пац. – Дама оказалась слишком юной для пылкой любви!

– А на вид и не скажешь, – косясь в сторону шезлонгов, занимаемых живописной парочкой, задумчиво протянул парень с осветленными волосами. Он единственный из всей компании позволял себе иногда бросать открытый вызов лидерству Димыча.

– В школу ходит. Если хочешь проверить, ступай потолкуй с ее дядечкой! Сердечный до одурения мужик! А уж какой приветливый! – стараясь скрыть смущение, иронично усмехнулся Димыч и тут же предложил: – Погнали лучше в парк, там телок валом! – И, не сомневаясь, что его поддержат остальные, пошел по берегу в нужном направлении.

Вскоре вся компания покинула пляжный берег.

– Ты не сердишься на меня за то, что я этого папуаса отшил? – полюбопытствовал Григорий у племянницы, когда неожиданный ухажер удалился.

– Да нет, – пожала плечами Катя, но по личику ее все же проскользнула легкая тень разочарования.

«Скучно ей тут одной без сверстников! А что я? Она мне даже не в дочки, а чуть ли не во внучки годится! Пенек трухлявый!» – внимательно наблюдая за реакцией девушки, обругал себя Крытый.

Неожиданно зазвонил мобильный. Григорий включил связь, приложил трубку к уху и услышал знакомый голос:

– Привет из столицы.

– Привет с моря, – усмехнулся Крытый. – Не надоело тебе там в пылище торчать? Лева, ты когда привалишь сюда? Я уже заждался!

– Пока не могу, Григорий, кругом дела, и все срочные. Навалилось все скопом. Вот разгребу и через пару дней махну к вам! Такую гулянку закатим! Снимем частную яхту и поплывем вдоль побережья! Обещаю!

– Ну, если ты обещаешь, то так оно и будет!

Григорий, слушавший восторженный голос старого кореша, невольно отметил фальшивые нотки в его интонации. Обладая феноменальной способностью чувствовать ситуа-

цию и угадывать по малейшему изменению тона, говорит собеседник правду или нет, Крытый сразу понял, что Леву задерживает не простая текучка повседневных дел, а что-то куда более серьезное. Однако с лишними расспросами он приставать не стал, у каждого есть право самому решать свои проблемы. Засоркин не маленький мальчик, если захочет поделиться – сам скажет.

Со Львом Валентиновичем Засоркиным Крытый познакомился там же, где и с большинством своих корешей, разбросанных по всей стране, – на зоне.

– Плюнь ты на свои дела! – добродушно посоветовал Крытый. – Всех денег все равно никогда не заработаешь! У тебя и так мешков уже не хватает, чтобы баксы паковать.

– Рад бы плюнуть, но на пару деньков еще придется задержаться, – с очевидной досадой отозвался собеседник.

Григорий отметил про себя, что Лева действительно искренне расстроен тем, что никак не может приехать раньше.

– Что же, – решил он подвести итог разговору, – как сможешь, так и приедешь. Мы еще недельку здесь точно проторчим, а там решим, что делать дальше!

– До встречи, – отозвался Лева и отключил связь.

Григорий тоже выключил аппарат и спрятал его в карман лежащих рядом летних брюк. Весело прищурившись, он взглянул на Катерину и предложил:

– Не пора ли нам, барышня, топать до хаты? Что-то крошки холодненькой захотелось!

– Мне тоже! – созналась девочка.

Катерина поднялась с шезлонга и быстро надела свое платье. Григорий тоже не заставил себя долго ждать, и вскоре дядя и племянница покинули пляж. Поднявшись по каменной лестнице, они направились в сторону Поликуровского холма, где Крытый снимал не лезущий в глаза, но довольно уютный двухэтажный домик. Очаровательное строение просто утопало в густых зарослях, скрывавших его от посторонних глаз. Даже небольшой балкончик второго этажа обвивала глициния. Именно это и понравилось Катерине. Да и сам Крытый за годы своей нелегкой жизни привык к тому, чтобы место его обитания как можно меньше бросалось в глаза. В общем, дом им обоим понравился. С мебелировкой и удобствами тоже было все в порядке. Григорий, не торгуясь, заплатил хозяину требуемую сумму, и все остались премного довольны.

Крытый и Катерина шли, оживленно разговаривая и совершенно не обращая внимания на паренька с колечком в брови. Теперь он был один. Его похотливый взгляд еще долго прожигал спину девушки.

ГЛАВА 2

Поликуровский холм, как и весь черноморский город Ялта, летом купался в солнце и зелени. Казалось, что в это время года у природы в запасе осталось только три цвета: голубой, желтый и зеленый. Небо было выкрашено в голубой цвет; яркая сочная листва дышала живым насыщенным зеленым; и все это обильно поливалось сверху лучами желтого солнца. Только одно море вмещало в себя целую гамму цветов и оттенков в зависимости от настроения.

Главной достопримечательностью Поликуровского холма была церковь Иоанна Златоуста. Ее колокольня с позолоченным куполом виднелась со всей прибрежной части города. Саму церковь отстроили совсем недавно на месте старой, некогда разрушенной, от которой оставался только фундамент. На этом самом фундаменте и возвели новое строение.

На город медленно и неуклонно опускалась ночь, напоенная прохладой и свежестью соленого морского бриза. Приютившиеся рядом с церковью двух- и трехэтажные домишки тихо засыпали, впрочем, как и весь город.

Неожиданно вдалеке послышался звук движущегося автомобиля. Вскоре включенные фары осветили фасад здания, но тут же погасли – водитель остановил машину.

Сторож, дремавший в своей сторожке, слышал звуки, но не придавал им особого значения. Он лишь на секунду поднял

голову и тут же, вновь опустив ее на грудь, продолжил мирно кемарить. Единственное, на что стоило обращать внимание, по мнению сторожа, это хулиганистые юнцы и собаки. Машина никоим образом не связывалась в его представлении ни с теми, ни другими.

Машиной, подкатившей к церковной ограде, оказался серый «Форд». Судя по номерам, регистрировался он далеко от Крыма. В салоне находились четверо мужчин. Лица всей группы скрывали черные маски с прорезями для рта, носа и глаз.

Едва машина остановилась, сидевший на переднем сиденье рядом с водителем человек повернулся назад и высоким, чуть хрипловатым голосом приказал:

– Клоун, остаешься за рулем. Тайсон – к сторожке. Цыган – со мной.

Распорядившись таким образом, человек открыл дверцу. Остальные, не задав ни единого вопроса, последовали за ним, кроме водителя Клоуна, оставшегося, как и было приказано, в машине.

Тщательно отработанным движением вожак буквально перелетел через церковную ограду. Свободный спортивный костюм нисколько не сковывал движения. Его помощники слегка задержались, но потом тоже довольно быстро взяли препятствие. Один из них, плечистый коротышка с погонялом Тайсон, разлапистой походкой потрусил к сторожке. Он осторожно потянул на себя незапертую дверь и скользнул

внутри. Не успевший даже проморгаться сторож от короткого удара в челюсть полетел со стула в угол. Тайсон поднял его за грудки левой рукой и нанес удар в голову. Старик, не издав ни звука, потерял сознание.

Коротышка посмотрел на свою немощную жертву и, сплюнув на пол, поспешил вернуться к остальным. Те не теряли времени даром. Цыган в это время возился с замком на дверях церкви.

– Есть! – наконец просипел он, открывая двери.

Предводитель ступил в церковь первым. Все трое как по команде достали небольшие, но мощные фонарики.

Три луча света, прыгая по стенам, выхватывали суровые лики святых, изображенных на иконах. Казалось, святые спрашивали пришедших: «Что вам тут надо, святотатцы?! Остановитесь, пока не поздно!»

Тайсон поначалу робел и боялся брать церковную утварь в руки. Ему казалось, что божественное, освещенное святой верой людей церковное добро должно непременно обжечь преступные ладони. Но старший шикнул на него, и Тайсон сначала робко, затем торопливо стал запихивать в мешки все, что попадалось. Иконы цеплялись углами за края мешка, словно сопротивляясь грабителю, отчего Тайсон все больше и больше злился.

Деловито собирая в холщовые мешки иконы, вожак грабителей остановился около небольшого четырехугольного предмета. Предмет был выполнен из серебра, это понят-

но было сразу. Помещен в глубокий короб со стеклянной крышкой. Главварь размышлял недолго. Резко ударив кулаком сверху, он разбил стекло, достал серебряную вещь и, повертев загадочную коробочку в руках, небрежно кинул ее в мешок к остальному украденному добру.

– Атас! – прорезался вдруг возбужденный крик грабителя по кличке Цыган.

Тут и все остальные услышали приближающийся вой милицейской «канарейки».

Не задерживаясь дольше, грабители побежали к выходу. Первым из церкви выскочил главварь.

– Откуда менты взялись? – успел спросить у Цыгана Тайсон.

– Сигналка сработала, – коротко ответил тот.

– Стоять на месте! – раздался крик со стороны, противоположной той, где грабителей ожидала машина.

Главный, не задумываясь, выхватил пистолет и выстрелил на голос. Послышался вскрик, стон, затем темноту прорезал отборный мат и грохнули подряд два ответных выстрела.

Главварь быстро отпрянул за угол и зашипел от боли и злости – пуля блюстителя закона попала ему в предплечье. К счастью для грабителя, ранение оказалось поверхностным. Он несколько раз глубоко вздохнул, приводя дыхание в норму, и осторожно выглянул из-за угла. Его подельники вместо того чтобы прийти на помощь своему товарищу, спрятались внутри церкви.

Главарь тем временем успел рассмотреть, как толстоватый дядечка неуклюже перелезает через ограду и тяжело шлепает в его сторону, совершенно игнорируя при этом взломанные и распахнутые настежь двери церкви. Очевидно, милиционер по простоте своей посчитал, что грабитель один. А поскольку бандит скрылся за углом, работник право-охранительных органов не мудрствуя лукаво побежал за ним.

Преследователь, судя по изрыгаемым им ругательствам, был страшно зол на бандюгана. И неудивительно, ведь главарь грабителей несколько секунд назад, сам того не подозревая, одним выстрелом уложил напарника толстого милиционера наповал.

Главарь, отпрянув за угол, прислонился спиной к стене и стянул с головы черную маску...

... Золотые волосы разметались по плечам. Большие голубые глаза под густыми ресницами, чуть приоткрытые алые губы, правильные черты лица – словом, предводитель грабителей оказался женщиной. Женщиной! Да еще какой! Встретив такую блондинку в вечернем платье, ни один мужчина просто так не пройдет мимо, не проводив ее восхищенным взглядом.

Тряхнув еще раз золотистой гривой волос, она медленно согнула руки в локтях, перенося тяжесть тела на отставленную назад ногу. Такая стойка в карате-до называется «коку-даци» и считается очень удобной для атаки противника выставленной вперед ногой.

Так все и произошло. Едва запыхавшийся милиционер показался из-за угла, как правая нога блондинки молниеносно взлетела высоко вверх.

Удар был настолько резок и силен, что толстяк даже не успел сообразить, что же такое с ним случилось. Его безжалостно швырнуло назад, и он оказался лежащим на спине, раскинув в разные стороны руки. Табельное оружие милиционера, выпав из рук хозяина, негромко стукнуло в темноте об асфальт. Хрупкая блондинка, оказавшаяся столь грозной на поверку, в мгновение ока оказалась рядом со своим противником. Ее кулаки были сжаты и готовы к действию. Издай ее враг хоть один только стон или сделай малейшее движение, она бы наверняка нанесла ему второй удар и, как знать, может быть, последний в его жизни.

Но неуклюжий страж порядка находился в глубоком нокауте, и посему златовласая пантера в человеческом обличье, понаблюдав за ним несколько секунд, наконец расслабилась и отвернулась.

Женщина прислушалась. Во дворе было тихо, ни звука не доносилось и из самой церкви. Поняв, что пока ей ничто не угрожает, блондинка решительной походкой направилась к дверям собора.

К тому времени Цыган, а следом за ним Тайсон покинули свое укрытие и вышли во двор, держа оружие наготове и тревожно озираясь по сторонам.

– Быстро добро хватайте и на выход! – презрительно гля-

нув в сторону мужчин, коротко распорядилась блондинка.

Так же легко и грациозно, как и в первый раз, несмотря на ранение, она перемахнула через ограду и бесшумно приземлилась, легко спружинив на полусогнутых ногах.

Вскоре показались и ее подельники. Блондинка приняла от них по очереди мешки с краденым. Водитель «Форда», увидев своего главаря, поспешил ей на помощь.

Погрузив все похищенное в багажник, бандиты уселись в салон, «Форд» резко сорвался с места и понесся по темным улицам города.

* * *

Засоркин Лев Валентинович пользовался заслуженным авторитетом у коллег. Профессия у него была нередкая для нашего времени, но, пожалуй, самая престижная – Засоркин делал деньги, то есть был бизнесменом. Причем бизнесменом весьма крупным. Окна его кабинета, по размерам больше напоминающего хоккейную площадку в ледовом дворце, выходили на Тверскую. Льва Валентиновича знали не только в Москве, Питере да и вообще в России, но и далеко за рубежом.

Выглядел Лев Валентинович соответственно своему статусу: русоволосый мужчина ростом чуть выше среднего, практически не снимающий с глаз очков-«хамелеонов» и всегда дорого одетый. Улыбку его никто бы не назвал сер-

дечной или добродушной, а взгляд по-волчьи хищных глаз прожигал подчиненных насквозь. Единственное, что вносило некоторую дисгармонию в общий облик Засоркина, – это большая татуировка на кисти правой руки, полностью покрывающая ее, и перстни-татуировки на фалангах пальцев. В бане можно было обнаружить, что этим количество наколок на теле Льва Валентиновича не ограничивается – их там значительно больше. Даже не разбирающийся в тюремной символике человек сразу бы определил, что Засоркин далеко не новичок в блатном мире и посидеть на своем веку привелось ему изрядно.

Московский бизнесмен действительно на зоне отпахал немало и был авторитетной личностью среди братвы.

В настоящее время Засоркин находился у себя в кабинете, за своим столом, и просматривал бизнес-план.

Внимательно перечитав все еще раз, Лев Валентинович отложил бумаги в сторону и задумался. В этих бумагах речь шла о земельном участке под Ялтой.

Взгляд хозяина кабинета упал на фотографию в рамке, стоящую на столе. Засоркин взял ее в руки и не отрываясь некоторое время внимательно вглядывался в снимок, словно вспоминая что-то. Фотография действительно была интересной. На ней Засоркин, широко улыбаясь, обнимал за плечи Григория Рублева. Оба были в лагерных телогрейках с бирками номеров на груди. Они отбухали в колонии строгого режима почти пятилетку, а такое не забывается никогда.

– Все встали у своих кроватей! – прозвучал суровый приказ.

Барак номер восемь моментально пришел в движение.

Послышались тихие голоса: «Шмон, шмон!»

Действительно, в помещение зашел зам по режиму и с ним двое конвойных.

Кто-то кинулся было прятать что-то запретное.

– Не дергаться, я сказал! – заорал командир. Его круглое лицо с сидящей на нем кнопкой крохотного носа мгновенно покраснело.

Зэки знали причину шмона: на утренней поверке двое из них оказались пьяными. Как ни прятали их, все равно застучали обоих. Майору влетело от хозяина, и теперь он жаждал крови. Предполагалось, что будет осмотр, поэтому все, за что можно было подвергнуться наказанию, было уже припрятано. Только самые лопухи прозевали момент и теперь дрожали, стоя у своих шконок.

Засоркин Лев ничего не опасался. Ничего запрещенного у него не было. Но когда обыскивающий сдернул его постель и на пол упал небольшой пакетик, сердце тревожно екнуло.

– Что это? – сурово спросил майор.

– Не знаю, – отозвался зэк. Лев действительно не имел ни малейшего понятия, что это за пакет и как он к нему попал.

Он смотрел на бумажный квадратный сверток размером со спичечный коробок и обмирал от мысли, что там может оказаться. Засоркин не был новичком в блатной жизни и прекрасно знал, что подобным образом упаковывают анашу.

«Карцер – это еще в лучшем случае. А то и довесок к сроку!» – тоскливо подумал он.

– Разверни, – ненавидяще глядя на него, приказал зам по режиму.

– Это не мое и разворачивать я это не буду, – твердо отозвался зэк.

– А может, это твое? – вопрос был задан черноволосому мужчине с серыми глазами. Как уже знал Засоркин, кликали его Крытый и он был авторитетом среди братвы. Он стоял рядом.

Постель на его шконке боец крутанул до этого. Крытый не удостоил майора ответом.

– В карцер их обоих! – распорядился зам. И конвойные повели двух зэков на выход.

Леву уже почти вывели из помещения, когда он услышал смущенный голос майора:

– Что за херь?! Стойте!

Конвоир вернул зэков обратно.

– Зачем было под матрац прятать? – непонимающе глядя на обоих, спросил зам по режиму. – Что, разве в тумбочку положить было нельзя? Оба вроде не первоходки?!

В пакете оказался самый обыкновенный чай.

Крытый и Засоркин потом перетрясли весь барак, но им так и не удалось выяснить, кто и зачем сделал эту затарку.

Но с этого дня началось их знакомство, со временем переросшее в настоящую дружбу.

* * *

От воспоминаний о своем прошлом Засоркина оторвал стук в дверь. Он не спеша поставил резную рамку на место и, услышав повторный стук, произнес:

– Да, входите.

Дверь приоткрылась, и в нее просочился довольно молодой рослый человек в классическом темном костюме-тройке. С первого взгляда можно было понять, что это секьюрити, он же посыльный, он же лакей и так далее. Нет нужды перечислять весь круг обязанностей подобных субъектов. На лице его словно навечно отпечатались слова: «Готов служить верой и правдой своему шефу».

На сей раз бритоголовый мужчина выступал в роли посыльного: он принес телеграмму. Почтительно положив ее на стол перед хозяином, парень застыл, ожидая дальнейших распоряжений.

Засоркин взял листок в руки, быстро пробежал глазами неровные строчки, при этом на губах его высветилась довольная улыбка. Но тут, как будто только что заметив застывшего возле стола подчиненного, Лев Валентинович недо-

уменно вскинул брови и махнул рукой, давая тем самым понять, что тот свободен. Битюган, не произнесший за все время своего присутствия в кабинете ни одного слова, моментально испарился, старательно прикрыв за собой дверь.

Едва парень вышел, как зазвонил мобильный, и Засоркин, схватив трубку, бодрым голосом бросил:

– Да, слушаю.

Некоторое время Лев Валентинович только молча кивал, выслушивая говорящего.

– Как у тебя дела? – наконец поинтересовался он, когда собеседник замолчал. – Надеюсь, все нормально?

– Варахтцах! – по-армянски взревела трубка. После этой реплики невидимый собеседник перешел на русский, разговаривая с заметным акцентом: – Ты что, издеваешься, да?! Какой такой нормально?!

– Ты чем-то недоволен? – В голосе хозяина кабинета слышались стальные нотки. Чувствовалось, что тон армянина пришелся ему совсем не по вкусу.

– Мы о чем договаривались, а? – вспылил абонент Засоркина. – Ты ведь с проекта процент получишь! Ты факс получил? Что, процент не устраивает?

– Да успокойся ты! – Лев Валентинович, судя по голосу, начал нервничать. – Процесс ведь пошел... Люди работают...

– Да сам ты пошел сам знаешь куда! Процент хочешь? Быстрее все сделать надо, понял, да?

После этого Лев Валентинович услышал в трубке короткие гудки – армянин бросил трубку.

Засоркин задумчиво пожевал губами, барабаня пальцами по полировке своего необъятного стола. В таком состоянии он находился несколько минут, затем вновь взял в руки фотографию и вдруг улыбнулся изображенному на ней Грише Крытому.

* * *

Очнувшегося милиционера с сильным сотрясением мозга увезла «Скорая помощь». «Скорую» и милицию вызвал отец Тимофей – настоятель ограбленной церкви. Придя в сознание, сторож выбежал в церковный дворик и сразу же увидел распахнутые настежь ворота храма.

Опешив, он бросился к калитке и обнаружил у ворот лежащего мертвого мужчину в милицейской форме. Не раздумывая ни минуты, сторож побежал с такой скоростью, насколько позволял возраст, к настоятелю церкви домой. Благо, дом этот находился в непосредственной близости от храма.

Уже сам священник вызвал милицию, а потом и «Скорую», когда выяснилось, что есть и второй пострадавший. Он жив, но находится в тяжелом состоянии.

Прибывшая на место преступления оперативная бригада сразу активно занялась работой. Были опрошены сторож

и выживший милиционер, но показания их мало что дали. Сторож не мог дать описания напавшего на него человека, потому что тот был в маске. А женщина нанесла удар толстяку-милиционеру столь стремительно и мощно, что тот ничего не успел разглядеть. Выживший блюститель порядка неуверенно добавлял, что преступник, возможно, легко ранен. В общем, картина получалась запутанная. Тем не менее эксперты сразу определили, что в храме побывали несколько человек, несмотря на то что пострадавший упорно говорил только об одном грабителе. Следовательно ничего не оставалось, как списать его упрямство на последствия серьезной черепно-мозговой травмы.

Эксперт щелкал фотоаппаратом, следовательно беседовал с разбуженным и прибывшим священником, а двое оперуполномоченных согласно заведенному порядку пошли опрашивать жителей соседних домов, благо, утро уже было не такое раннее. Не избежали этой участи и обитатели двухэтажного домика, утопающего в зарослях вьющейся глицинии, того самого, где на время пребывания в Ялте обосновались Григорий Рублев и его племянница.

Милиционеру открыл дверь сам Крытый. Он уже понял, что в церкви что-то произошло, так как видел суету опергруппы, когда с утра выходил на балкончик своего дома.

Опер сразу определил, что опрашиваемый им человек явно с уголовным прошлым. Это легко было понять по многочисленным синим перстням на фалангах пальцев обеих

рук. Однако документы у Крытого оказались в порядке, придраться ни к чему невозможно, к тому же и договор на аренду жилья наличествовал. Как и подозревал работник уголовного розыска, Рублев по поводу ночного происшествия рассказать ничего не мог, а может, просто не хотел – в любом случае пришлось старлею уходить из этого дома ни с чем.

Опрос жильцов окрестных домов ничего не дал, поскольку все дело происходило глубокой ночью. Следователь опергруппы, вздохнув, приказал своим сотрудникам уезжать в отдел.

ГЛАВА 3

Рублев не лгал оперативному работнику, он действительно ничего не видел и не слышал. Рокот морских волн заглушил звук выстрелов. Правда, Григорию приснилось этой ночью что-то про грозу, но утром, естественно, он не придал своему сну никакого значения.

Крытый проснулся рано, прошлепал в ванную комнату и быстро умылся. Посмотрев на себя в зеркало, увидел сурового черноволосого мужчину с заросшими щетиной щеками и подбородком. За несколько минут Григорий побрился и, весело подмигнув самому себе, покинул ванную.

Едва он вошел в просторный зал, как в окно комнаты с улицы донеслись звуки голосов мужских разговоров. Прислушавшись, Крытый понял – разговаривают менты. И не просто так, а по делу разговаривают.

Григорий вышел на балкон и прислушался. Из обрывочных фраз он понял, что ночью обворовали храм Иоанна Зластоуста.

«Вот сучары! – искренне возмутился он в душе. – У какой же твари руки на святое поднялись?! Узнал бы, удавил собственными руками!»

Когда в дверь позвонили, а затем громко постучали, Григорий уже понял, кто и зачем к нему пришел.

Кроме самого факта ограбления святого места, что для

Крытого само по себе было уже неприятно, неприятный осадок вызывали еще два факта: переживание за отца Тимофея, с которым он на днях познакомился, и вероятность того, что теперь рядом с его домом всюду будет копшиться милиция.

«Теперь начнут и меня таскать в отдел!» – вспомнив понимающий взгляд опера, которым тот смотрел на его синие перстни, раздраженно подумал Крытый. За себя он не боялся. Он переживал, что все это может коснуться Катерины. «Прямо хоть на край света беги!» – с раздражением подумал Рублев.

После ухода опера из своей комнаты вышла племянница.

– Ты какая-то хмурая с утра, Катюшка, – попытался улыбнуться ей Григорий, хотя после известия об ограблении церкви настроение у него сильно испортилось. – Не выпалась, что ли?

– Нет, все нормально, – вяло улыбнулась девушка. – Я слышала разговор, – неожиданно призналась она.

Крытый вздрогнул. Его опасения оправдывались, Катя теперь знала об ограблении церкви. Однако то, что сказала племянница в следующий момент, повергло Григория в настоящий шок.

– Дядя Гриша, а я ведь видела тех, кто это сделал, – тихо, почти шепотом, сказала девушка.

– Кого ты видела? – попытался уточнить Крытый.

– Видела тех людей, которые церковь ограбили, – еще ти-

ше произнесла Катя.

– Постой-ка, – Григорий подошел к племяннице, взял ее за руку и усадил на диван. – Давай ты расскажешь мне все по порядку и, если можешь, подробно опишешь этих негодяев.

– Они действительно негодяи, – призналась Катерина. – И ладно мужики бы были, а тут еще и баба!

– Какая баба? – насторожился Григорий.

– Да, которая с грабителями была, – неопределенно махнула вилкой девушка.

Катерина рассказала, что ночью она случайно проснулась оттого, что слышала какие-то странные хлопки. Сразу же вспомнились недавние события в Веселогорске, и девушка, накинув халат, вышла на балкончик.

Действительно, во дворе церкви находились какие-то люди с мешками – двое мужчин и одна женщина. Она-то как раз и командовала остальными. Двое грабителей были в масках, а вот женщина маску сняла.

– Я ее хорошо разглядела, – закончила свой рассказ Катюша. – Блондинка, волосы чуть ниже плеч, симпатичная.

– А они тебя не видели? – сразу насторожился дядя.

– Не-а, – отрицательно покачала головой племянница. – Они вверх и не смотрели, да и не видно меня было за зарослями на балконе.

– А потом куда они делись?

– Перелезли через ограду и в машину сели. Темную иномарку, – деловито ответила юная красотка.

Григорий, выслушав девушку, задумался. Молчал он минут пять, изредка барабанил при этом пальцами по столу. Затем встал, не говоря ни слова, вышел на балкончик, закурил сигарету и выпустил длинную струю густого табачного дыма прямо перед собой.

Рублев думал про отца Тимофея, с которым познакомился почти сразу после приезда в Ялту.

Хотя Григорий в свое время был пионером и воспитывался в советской школе, в бога, как и большинство людей сейчас, он верил. Нелегкая жизнь, многочисленные отсидки закалили душу вора, но не испоганили ее. Нельзя сказать, что он был добродетельным христианином, но когда мог, всегда старался что-то сделать для церкви.

Едва Рублев увидел храм рядом с домом, который они собирались снять, то сразу сделал себе заметку в памяти, что нужно обязательно посетить его.

Он встретился с настоятелем и предложил пожертвовать на церковные нужды тысячу долларов. Отец Тимофей ошалел от услышанной суммы. Приход его не был большим, хотя храм был известен не только в Ялте, но и по всему Крымскому полуострову.

Итак, поразмышляв над услышанным от Кати, «смотрящий» Веселогорска решил встретиться с батюшкой Тимофеем.

Докурив сигарету, он спустился вниз, в столовую. Катя уже убрала посуду и смотрела телевизор. Она вопросительно

посмотрела на Григория, тот перехватил ее взгляд и улыбнулся.

– Ну что, пойдём в город? – бодро спросил он племянницу. – Погуляем, сходим на рынок и вернёмся домой.

– А потом?... – поинтересовалась девушка.

– Потом у меня кое-какие дела будут, – загадочно ответил Крытый. – Да, вот ещё что, – серьёзно посмотрев в глаза девушке, вспомнил он. – О том, что видела ночью, смотри никому не говори!

– Что я, маленькая, что ли! – возмутилась Катя.

– Нет, конечно! – усмехнулся Крытый. – Вон какие женихи к тебе клеятся! Да ещё и сразу с кольцом! – ехидно улыбнулся Григорий, намекая на того балбеса с пляжа с колечком в брови.

Катерина вспыхнула, но ничего не ответила.

– Ладно, пойдём, – примирительно проговорил Крытый.

Григорий подождал несколько минут, пока Катерина быстренько прихорашивалась перед зеркалом.

«Что же задержало Леву? – неожиданно вспомнил Рублев недавний телефонный разговор с приятелем. Судя по голосу, чувствовалось, что тот явно чем-то взволнован. – В принципе у бизнесменов его уровня всегда какие-то проблемы, – успокоил сам себя Григорий. – Сказал – приедет, значит, приедет!»

Катерина тем временем закончила вертеться перед зеркалом и объявила, что она готова идти. Через минуту они уже

были на улице.

* * *

Отцу Тимофею года не хватало до пятидесяти. Это был высокий крепкий мужчина с окладистой русой бородкой и такими же русыми, слегка вьющимися волосами. Он обладал типичной славянской внешностью. Говорил, как и положено батюшке, степенно, слегка окая.

Прихожане уважали и любили своего батюшку. Отец Тимофей, как и положено церковному служителю, в миру был кротким и даже несколько боязливым человеком, несмотря на свою богатырскую статью.

Любили его за то, что по своей душевной доброте отец Тимофей никому никогда не давал отказа в насущных нуждах. Покойная теперь жена его даже выговаривала ему за это. «Ты смотри рясу-то невзначай не отдай! А то и служить не в чем будет!» – не раз в сердцах говорила она ему. Однако отец Тимофей неизменно спокойно отвечал: «Господь нам наказывал помогать ближнему!»

Около его церкви всегда сидели нищие и калеки. Горемыки знали, что даже если прихожане ничего не подадут, то голодными и без денег они не останутся, обязательно выручит отец Тимофей.

Приход не был богатым, но на жизнь хватало. Три года назад отец Тимофей овдовел. Старший сын с невесткой зва-

ли его к себе, но он и слушать не хотел о том, чтобы уехать и бросить свой приход. В результате священник так и остался жить в маленьком домике неподалеку от своего храма.

Сейчас отец Тимофей находился в горестном состоянии. В его голове до сих пор не умещался весь ужас случившегося.

– Господи, да у кого же рука на храм твой поднялась! – в который раз восклицал он, заламывая руки. – Все ведь вытащили, ироды, все! Иконы, утварь, даже ковчег с мощами святого Иоанна не пощадили! Кошуну!

Потеря ковчега больше всего убивала кроткого настоятеля. Без святых мощей, которые закладываются в алтаре при постройке храма, и храм святой не храм, а так, моленный дом какой-то.

Отец Тимофей даже не представлял себе, как доложит о случившемся в епархию. Он страшился предстоящего разговора.

– Господи, пусть бы хоть ковчег не тронули, святотатцы! – продолжал вздыхать он.

Неожиданно в соседней комнате зазвонил телефон.

«Из епархии, – внутренне вздрогнув, сразу решил он, – милиция сообщила!»

Телефон продолжал требовательно звонить.

«Хотя какое им дело до наших внутренних распорядков?» – Тревожные мысли прыгали в голове, пока отец Тимофей шел к аппарату.

Он поднял трубку, боясь произнести привычное: «Я вас слушаю».

– Кто это? – неожиданно для себя услышал он слегка развязный женский голос.

– Настоятель церкви Иоанна Златоуста отец Тимофей, – с удивлением пробормотал батюшка. Меньше всего он ожидал такого звонка. Он уже было подумал, что кто-то ошибся номером и хотел сказать об этом абоненту, как услышал:

– Слушай сюда, отец Тимофей. Если хочешь получить назад все, что вынесли из церкви, гони монету.

– Кому?... Сколько?... – Священнослужитель, еще не оправившись от первого шока, тут же испытал повторный.

– Пятьдесят штук «зеленых», – деловито произнес женский голос. – Это если за все оптом. Или, – было слышно, как говорившая усмехнулась, – можешь выкупать по частям. Что молчишь?

Отец Тимофей действительно не знал, что ответить, ошарашенный такой огромной цифрой и циничным тоном собеседницы. Если бы он знал, что это та самая белокурая дамочка, которая ночью саданула ногой бедному толстяку-милиционеру так, что его в «Скорую» несли на носилках, он бы не удивился ее манерам.

– Но у меня нет таких денег, – только и смог выдавить из себя отец Тимофей.

– А ты не торопись с ответом, подумай, где можно найти деньги, – без всяких эмоций в голосе произнесла его собе-

седница и потом добавила: – И не вздумай, батюшка, обращаться в ментуру... Будет хуже.

– Как... как я с вами свяжусь? – прохрипел отец Тимофей.

– Я сама тебе позвоню, – отозвалась невидимая собеседница и повесила трубку.

Батюшке ничего не оставалось, как последовать ее примеру.

Горестно вздохнув, в который раз уже за этот день, отец Тимофей задумался. Будь у него требуемая бандитами сумма, он бы не задумываясь отдал ее за похищенные иконы, а главное – за ковчег.

Но денег таких Тимофей не то что никогда в руках не держал, он даже представить не мог, как должна выглядеть такая сумма.

Правда, был один вариант...

Батюшка только на мгновение подумал о нем, но тут же мысленно строго приказал себе: «Нет, Тимофей, даже не смей брать это в расчет!» – и для верности добавил, уже вслух:

– Нет, нет и нет!

* * *

Вечером у себя на террасе святой отец принимал гостя. Гостем этим был новый его знакомый Григорий Рублев. Они пили чай и разговаривали. Отец Тимофей иногда даже улы-

бался. Только улыбка у него получалась вымученная, с изрядной долей грусти в больших добрых карих глазах.

– Отец Тимофей...

– Григорий Иванович, давайте договоримся, что дома меня называют просто Тимофей Петрович. И вы называйте меня так же.

– Тимофей Петрович, – ничуть не смутившись, сразу принял это условие Рублев, – раз мы с нашими скорбными делами покончили, давайте побеседуем о чем-либо более приятном. Я вот все время мучился вопросом: бывают в Великий пост исключения, когда можно есть мясное?

– Бывают, – немного подумав, ответил отец Тимофей. – Например, воинам разрешалось в Великий пост есть скоромную пищу.

«Интересно, если пацан только с ШИЗО откинулся, можно ему колбасу хавать?» – весело подумал Крытый, проводя свою аналогию на слова батюшки.

Григорий с интересом посмотрел на стену, где висели за стеклом две почетные грамоты отца Тимофея.

– Откуда это у вас? – искренне удивился он. – Разве при прежней власти священников государство когда-нибудь чем-нибудь награждало?

– Это за мирские дела, – с любовью поглядев на грамоты, ответил хозяин дома и пояснил: – За Метрострой. Я ведь по образованию геолог, – пояснил он, увидев изумленный взгляд гостя.

– А как же вы попом... простите, священнослужителем стали? – еще больше удивился услышанному Крытый.

– После одного обвала, когда завалило бригаду проходчиков, я дал обет служить богу, – разом погрузнев, ответил отец Тимофей, а потом, немного помолчав, добавил тихо: – Из двенадцати человек я тогда один выжил...

В это время послышался звук отворяемой калитки, и во дворе появился некий молодой человек. Крытый не обратил на него особого внимания, он просто его не узнал. А Димыч (это был именно он) Григория узнал сразу. Кроме татуировок на теле Крытого на пляже, он запомнил еще золотую цепь на его шее.

Дело было не только в том, что цепь была изрядной толщины. «Быки», приезжающие сюда отдохнуть, вешают чуть ли не хомуты из золота! Просто цепочка отличалась прекрасно выполненной ювелирной выделкой. Такое плетение и узор звеньев редко встретишь, а тем более ни за что уже не спутаешь с другим. Крытому ее делали по особому заказу!

Димыч хоть и выставлял себя перед приятелями таким бластным пацаном, но недоумком вовсе не был. До того как девятнадцатилетний Дмитрий попал к отцу Тимофею, своему дяде, он жил в Москве и даже успел окончить один курс института. Однако страсть парня к лидерству неуклонно вела его к проблемам с законом, и родители, однажды посоветовавшись, решили отправить отпрыска к дяде в Ялту. Благо, тот был священником, а потому его прямой обязанностью

как раз и было лечить заблудшие души.

Сказано – сделано! Предки шустрого парня написали отцу Тимофею слезное письмо, а тот по доброте душевной не смог отказать родной сестре и ее мужу в просьбе приютить на время их сына. Семья сестры была небодной, и деньги на содержание Дмитрия переводились регулярно. Отец Тимофей жил один, и поэтому молодой человек не был ему в тягость. Единственное, что доставляло огорчение священнослужителю, так это образ жизни, который вел племянник. Свернуть с него молодого человека нельзя было бы и бульдозером!

Сейчас Димыч вернулся с пляжа, где только что расстался со своей компанией.

Парень сразу отметил, что его дядя беседует именно с тем мужиком, который не дал ему закадрить понравившуюся телку.

Дмитрий решил, что подходить к дяде и его знакомому в данный момент не стоит. Он хорошо помнил, как незнакомец парой фраз срезал его на пляже. Да еще на глазах всех его друзей! Но, с другой стороны, молодому человеку очень интересно было бы узнать, о чем беседует отец Тимофей с обладателем шикарной цепуры.

На ходу бросив короткое «здрасте», Димыч пересек двор и свернул за угол дома, в сад. По крайней мере, он сделал вид, что идет в сад. На самом же деле, едва скрывшись с глаз дяди и его гостя, парень резко остановился, прижался спиной к нагретой солнцем кирпичной стене дома и прислушал-

ся, пытаюсь определить тему разговора мужчин на веранде. Через несколько минут Димыч понял, что говорили они о ночном происшествии в церкви.

«Похоже, дядька крутого хочет припрятать, – сделал свой вывод племянник из услышанного. – Только вот зачем тому нужно вмешиваться в это дело?! Попик наш отбашлять ему все равно не сможет! А может, наоборот?...»

Усмехнувшись какой-то своей неожиданной мысли, Димыч, уже не останавливаясь, пошел в сад. Тут стояла скамейка и, самое главное, отсюда хорошо был виден балкон соседнего двухэтажного домика. Того самого, в котором жили Григорий с Катей.

Девушка как раз была на балконе. Димыч уселся на лавочку, закинул ногу на ногу, достал из кармана пачку сигарет и ловко выщелкнул одну, рисуясь перед Катей. Прикурил и принялся нагло пялиться на девушку. Но, к великой досаде парня, симпатулька совсем не замечала его. Она любовалась морем, совершенно не обращая внимания на предводителя компашки местных оторвяг.

Димыч продолжал полировать взглядом прелести юной красотки, при этом чувствуя себя оскорбленным до глубины души ее полным невниманием.

«Сучка! Могла бы хоть посмотреть в мою сторону!» – злобно подумал парень.

Недокуренная сигарета полетела в кусты, и Димыч громко кашлянул. Сделал он это, естественно, специально. Про-

ще было бы заговорить с девушкой, но после отповеди ее дяди на пляже парень считал такой ход невозможным для себя. Оскорбительно было бы получить новую нахлобучку, и в Димыче вовсю бурлило оскорбленное мужское самолюбие.

В мечтах ему уже являлись картины того, как девушка сама падает в его объятия вопреки воле того козла с цепочкой на шее.

Катерина, услышав нарочито громкий кашель, скользнула рассеянным взглядом по молодому соседу, снисходительно улыбнулась и скрылась в комнате.

Димыч достал еще одну сигарету и принялся зло чиркать зажигалкой. Прикурив, он нервно сунул зажигалку в карман, при этом не переставая ненавидящим взглядом буравить балкон соседнего дома.

«Кукла чертова! Племянница... Да какая она, к бесу, племянница! – Злые мысли чертиками лихорадочно плясали в его голове. – Наверняка ей этот старый козел столько хрустов отваливает, чтобы она с ним тут загорала! Дядя! Ха! Как же! Разрисован, как индеец на военной тропе! Небось только с нар слез и сразу за девок молоденьких взялся!»

Димыч выкинул вторую недокуренную сигарету и направился в обход дома к веранде. Дядя, стоя у калитки, как раз прощался со своим гостем. До парня, пока он шел по дорожке, донеслось: «Кошуны! Как рука поднялась!...»

«Понятно, наш попик вновь завел свою шарманку!» – мысленно усмехнулся Димыч и принялся подниматься на ве-

ранду, равнодушно повернувшись к обоим мужчинам спиной.

Что ответил сосед дяде Тимофею, молодой человек не разобрал. Кажется, судя по интонациям голоса, он его успокаивал.

Димыча слишком занимали собственные мысли, чтобы придавать значение разговорам старших. Он думал о новой соседке.

В своих смелых мечтах он представлял, как она извивается перед ним у шеста, демонстрируя стриптиз. А он, с полным равнодушием следя за ней, только изредка бросает в ее сторону денежную купюру. Понятное дело – на ней изображен американский общественный деятель.

С такими мыслями в голове молодой повеса прошмыгнул в дом и, схватив со стола кусок пирога, прошлепал в свою комнату, жуя на ходу.

* * *

Вечером на город наконец опустилась долгожданная прохлада. Прятавшиеся после обеда под крышами своих домов коренные жители и приезжие теперь выходили подышать свежим морским воздухом. Одному отцу Тимофею было не до прогулок – храм Святого Иоанна Златоуста был еще опечатан.

Священник сидел в гостинной, положив голову на руки. Ка-

залось, ему ни до чего нет дела. Даже до той свежести, что дарил природе тихий летний закат.

Ослепительный диск солнца уже почти скрылся за горой, и только на далеких облачках у самого горизонта была едва видна его золотая кайма.

Неожиданно в эту спокойную, уверенную красоту вплелись чарующие, волшебные звуки скрипки. Нежные звуки, казалось, плыли по вечернему воздуху.

Тимофей Петрович подошел к окну и прислушался. Через несколько секунд он увидел и исполнителя, точнее, исполнительницу.

Катерина стояла на балкончике и, закрыв глаза и полностью отключившись от внешнего мира, исполняла «Аве Мария». Священнослужитель, забыв о своих горестях, на время затаил дыхание и зачарованно слушал звуки благословенного инструмента.

Хлопнула входная дверь, и как по команде скрипка умолкла. Отец Тимофей посмотрел на вошедшего.

Димыч только что вернулся от приятелей. Первым делом он сунулся в холодильник и соорудил себе супербутерброд из толстого куска хлеба и ветчины. Молодой организм требовал немалых калорий.

Тимофей Петрович укоризненно посмотрел на племянника, но ничего не сказал.

В это время Катерина опять начала играть, на этот раз увертюру из «Всенощных бдений» Рахманинова.

– Вот наяряивает! – едва прожевав кусок бутерброда, выпалил отпрыск московских родителей.

– Что? – вновь заслушавшись музыкой, не расслышал его настоятель церкви.

– Говорю, играет хорошо! – объяснил свою фразу Димыч.

– Да, превосходно, – вздохнув, отозвался хозяин дома.

Димыч видел, как страдает его дядя. Он понимал, что церковь для него – все! Храм Иоанна Златоуста был смыслом жизни батюшки Тимофея. Сам Дмитрий не принимал такого подхода к жизни, считая любую работу просто средством добывания денег. По его глубокому убеждению, только деньги делали человека человеком. К брату своей матери Димыч относился как к слегка помешанному на религии чудаку. Парень не понимал такого образа жизни. Сначала он исподволь попытался выспросить дядю о каких-то скрытых доходах, но тут же наткнулся на откровенное непонимание.

«Неужели дядька такой лох? Быть на таком месте и не подняться по жизни?!» – не раз задавал себе вопросы Димыч.

– А что, дядя Тимофей, – неожиданно заговорил племянник, – этот мужик – сосед наш новый?

– Да, – односложно ответил священник и сам спросил: – А что?

– Да ничего, – как можно равнодушнее отозвался парень. – Просто я подумал, что может он делать в вашем доме?

– Что ты имеешь в виду?!

– Ну так он же бывший уголовник, дядя Тимофей! Я его на пляже видел. У него тело все разрисовано, как у якудзы японского! Живого места нет!

– Дмитрий, – серьезно посмотрел на племянника хозяин дома, – есть заповедь божья: «Не суди, да не судим будешь!» Тебе она хоть о чем-нибудь говорит?

– Да я не о том. Я все понимаю, – гнул свою линию парень. – Просто вчера такое произошло, а тут этот странный сосед! И цепура у него – сейчас в Москве такие все бандюги носят. А церковь вашу, между прочим, не ангелы святые обчистили!

– Не кощунствуй! – гневно прикрикнул на него дядя и, только через некоторое время смягчившись, спокойно высказал свою точку зрения: – Зря ты на Григория Ивановича гресишь, он в бога верует! А такое дело, которое поганцы этой ночью учинили, верующий человек сотворить не мог! Да к тому же Григорий сам на храм жертвовал! Тысячу долларов дал и помочь обещал...

Тут Тимофей Петрович неожиданно осекся, будто сказал лишнего. Но молодой человек тут же уцепился за сказанное.

– Он помочь обещал? Чем он может помочь? – вопрос прозвучал риторически. Димыч спрашивал скорее сам себя, нежели отца Тимофея. – Он же не местный, кого он тут может знать?

– Это тебя не касается, – оборвал его рассуждения священник.

– Если только бабок отстегнет? – не замечая упрёка, продолжал рассуждать племянник.

– Бабок ли, дедок – устало вздохнул настоятель церкви, – лишь бы похищенное вернули на место.

– Дядя, а что, похитители выкуп запросили? – Глаза паренька заблестели азартом. – Расскажи!

– Тебе-то зачем, заноза? – явно сдаваясь, нарочито сердито буркнул Тимофей Петрович.

– Может, мне чем удастся помочь тебе! – объяснил молодой человек. – Я уже со многими пацанами познакомился в городе. Может, кто из них что услышит или узнает.

– Нет, – покачал головой поп. – Григорий Иванович просил особо не распространяться о случившемся.

– Ну, просил так просил, – нехотя отстал племянник и, взяв со стола яблоко, пошел к себе в комнату.

Завалившись прямо в одежде на кровать, Димыч задумался.

«По всему видно, что сосед – мужик крутой! Наверное, дома у себя неслабой бригадой рулит! – рассуждал он, грызя спелое красное яблоко. – Но тут-то он один, бригады нет, девка только! Чем же он может помочь?!»

Тут в голове у Димыча золотым блеском сверкнула цепура соседа.

«Штуку баксов отвалил нашему попику! Повезло же дураку! – с завистью вспомнил он слова священника. – Только наш святоша чудаковатый ни гроша себе не отожмет, все на

церковь свою пустит. Эх! Мне бы его возможности!»

Кинув огрызок яблока в открытое окно, молодой человек сложил руки в замок на затылке.

«Сколько ему этот урод разрисованный еще отстегнет в виде помощи? Денег у этого самого Григория Ивановича, что у дурака махорки!»

Димыч повернулся на бок и, блаженно шурясь, принялся мечтать о том, что когда-нибудь и у него будет столько же денег, сколько и у Григория Рублева.

* * *

Шоссе серпантинном уходило в гору. Невзрачные серые скалы возвышались вдоль правой обочины дороги. Слева тянулись бесконечные заросли деревьев и кустарников.

С горы на самой окраине верхней Ялты был виден двухэтажный дом, совершенно типичный для данной местности. Окна на первом и втором этажах забраны решетками: по нынешним беспокойным временам ничего удивительного в этом не было. Каждый стремится обезопасить свое жилье как может, и это правильно!

Рядом с домом располагался небольшой каменный гараж. На втором этаже – две большие комнаты. В одной из них за столом сидела блондинка, та, которая руководила ограблением церкви Святого Иоанна Златоуста. Трое ее соучастников, включая водителя, тоже находились в комнате. Коре-

настый крепыш Тайсон с пультом от телевизора в руках перещелкивал каналы, явно нервничая. Цыган, наоборот, безучастно тасовал карты, открывая их по одной.

Щуплый водитель по кличке Клоун тоже находился в комнате. Он ходил из угла в угол, нервно затягиваясь сигаретой.

Одна лишь белокурая бестия была спокойна.

– Клоун, перестань перед глазами маячить, – потушив окурок в пепельнице, лениво обронила она.

На щуплого водителя банды этот приказ тут же подействовал. Он резко остановился, пробежался взглядом по комнате и, обнаружив в углу свободное кресло, плюхнулся в него.

Блондинка тем временем не торопясь достала из кармана бумажник, и три пары жадных глаз приковались к нему. Заметив это, женщина цинично хмыкнула и с выражением собственного превосходства на лице посмотрела на подчиненных. Такой самодовольный взгляд задел мужчин, но никто из них этого не показал. Только Тайсон нахмурился и на секунду отвел глаза. Владелец фигуры боксера невольно сжал кулаки, но вслух сказать ничего не решился. Однако это действие не осталось предводительницей незамеченным.

– Цыган, подваливай! – объявила она, отсчитывая купюры.

Тот не заставил себя долго ждать и через секунду оказался у стола. Получив свою долю, он вернулся к оставленным было картам.

– Клоун!

Щуплый водитель с пачкой купюр в руках вернулся в свое кресло и принялся деловито пересчитывать полученные деньги.

– Тайсон, – наконец услышал здоровяк и вскоре тоже получил свое.

Клоун, сосчитав полученную сумму, прогудел:

– А остальное?

– Остальное будет, когда попа дождем, как и договаривались, – бесстрастно, как будто шла речь об утреннем кофе, объявила блондинка и тут же попросила: – Перевяжи мне плечо.

Она, нисколько не стесняясь мужчин, сняла рубашку. Взглядам подчиненных предстала упругая грудь, покрытая ровным загаром.

Тайсон не выдержал и довольно заурчал, выказывая свое восхищение великолепным зрелищем. Блондинка отреагировала молниеносно. Переместившись к нему ближе за какую-то десятую долю секунды, она хлестким ударом внутренней части стопы в челюсть отправила Тайсона на пол.

Затем она резко развернулась в сторону Цыгана и вызывающе посмотрела на того. «Ты не хочешь проверить свои мужские силы?!» – спрашивал ее злой взгляд. Однако Цыган остался совершенно безучастен к произошедшему. Он так же молча грыз спичку и раскладывал свои карты.

Щуплый Клоун тоже не стал проявлять мужской солидарности. Он отвернулся от лежащего на полу здоровяка-бок-

сера и отправился в соседнюю комнату за бинтом. Вскоре на столе стояло все необходимое, и водитель бригады, стараясь не коситься на два соблазнительных полушария с коричневыми небольшими сосками, то и дело плясавшими перед самым его носом, перевязывал женщине плечо. Блондинка пользовалась непререкаемым авторитетом в своей бригаде – это чувствовалось сразу.

Тайсон тем временем пришел в себя и, глухо ворча, вернулся в свое кресло. Он был единственным, кто осмеливался иногда бунтовать, и Шахине – а именно так звали между собой блондинку остальные – приходилось время от времени ставить его на место.

– Тайсон, – обратилась к нему дамочка, когда с перевязкой было покончено, а рубашка вновь надета, – тут один урка знатный к нам в гости пожаловал. По росписи видно, что сидел долго и грамотно. С ним еще какая-то кобыла малолетняя. Он около нашего попа трется. Узнай, кто он такой и что ему нужно, только сам не светись.

– Как? – все еще потирая ушибленную челюсть, спросил Тайсон. – Ты же ялтинская, посоветуй...

– На сиськи мои пялиться умеешь, а по делу сообразить не можешь, – презрительно бросила в ответ блондинка. – Менты деньги любят. А уж в курортном городе – и подавно.

Закончив нравоучение, она покопалась в сумке и достала ручку. Оторвав клочок бумаги, быстро черкнула на нем номер.

– Позвонишь этому человеку в горотдел, скажешь, что от меня, – протянула она писульку здоровяку. – Он тебе поможет.

Тайсон схватил бумажку и, шевеля губами, прочел номер, фамилию, имя и отчество мента.

* * *

Димыч недолго скучал один. Едва начало темнеть, в окне раздался условный стук. Шустрый парень специально выбрал себе комнату так, чтобы она окнами выходила не во двор, а на улицу. Отец Тимофей не очень-то жаловал приятелей племянника, и тем приходилось пробираться к нему тайком.

Димыч закрыл дверь на шпингалет и отворил ставни. Он приветственно махнул рукой белобрысому приятелю и позволил ему и еще одному парню забраться на подоконник и проникнуть в комнату.

После этого приложил палец к губам и сотворил зверскую рожицу. Но приятелей наставлять не было нужды: они знали, что разговаривать нужно вполголоса.

– Как твой дядюшка? – первым делом поинтересовался парень с осветленными волосами. Тот самый, что больше других подкалывал Димыча на пляже. – Кондрашка его не хватила? Весь город только и говорит о том, что церквуху обнесли!

– А-а, – махнул рукой лидер компашки, – как был старым идиотом, так им и остался! Сегодня он мне сказал, что тот мужик, ну, который весь в наколках, с пляжа, ему штуку «зеленю» в качестве приношения дал!

Третий их приятель, ушастый парень примерно тех же лет с короткой, под ноль, стрижкой на кочанообразной голове, неожиданно присвистнул. До того его шокировало то обстоятельство, что кто-то так вот просто, за здорово живешь, мог пожертвовать на нужды церкви тысячу долларов.

– Тихо ты! – зашикали на него двое других. – Хочешь, чтобы батюшка Тимоша нас нагнал?!

– Падлой буду, повело от цифры, – отозвался паренек чуть сиплым ломающимся голосом.

– Неужели дядька твой себе не перетянет ничего? – поинтересовался белобрысый у Димыча.

– Не-а, – изобразив полное презрение на своем лице, отрицательно покачал головой Димыч. – Дядька лох, каких еще поискать нужно! Сам будет картошку одну пустую трескать и при этом нищим бабки раздавать!

– Да, с головой у него беда, – согласился белобрысый. – На таких деньгах сидеть и ничего себе не отжимать?! Непонятно просто!

– Откуда вы знаете, что он не отжимает? – неожиданно вмешался в разговор третий парень. – Так он вам и станет докладывать, на какие доходы живет!

– Да я сам недавно слышал, как ему такое дело выгод-

ное предлагали люди! Бизнес-план у него на столе лежал. Я в Москве в одной конторе похожие бумаженции видел, а потом мне корешок продвинутый объяснил, что к чему! Так вот, дядечка мой бородатый от таких деньжищ из своей церквушки отказался, дебил! – уверенно закончил свою мысль Димыч. – Вот у соседа нашего бабки – сразу видно! Он чувак прикинутый, и цепь у него, как у сухогруза на якоре!

– Да, – вдруг вспомнил парень с осветленными волосами, – как там его племянница поживает? Пиликает на скрипке?! Ты еще не трахнул ее?

– Да-а, бикса что надо! – мечтательно протянул ушастый. – И титьки, и ножки, и мордашка – все на месте!

– Было бы у меня столько бабок, сколько у нашего соседа, я давно бы уже тянул ее во все дыхательно-пихательные, – презрительно оттопырив губу, заявил Димыч приятелям.

– Что ты имеешь в виду? – подозрительно прищурился блондинистый.

– А ты что, не доехал? – чуть насмешливо, по своему обыкновению, ответил вопросом на вопрос душа компашки.

Повисла пауза, и двое приятелей приготовились выслушать соображения своего вожака.

– Да никакая она ему не племянница! – объявил Димыч и победно посмотрел на корешей. – Станет такой продуманный чувак с собой по югам какую-то племянницу таскать!

– Ты думаешь?...

– Конечно! Снял себе соску малолетнюю и торчит с ней!

Конечно, деваха с такой мордашкой недешево стоит, но ему-то все равно, если он по штуке баксов незнакомому попу за просто отстегивает!

– В натуре! – сразу оживился ушастый, и приятели вновь вынуждены были прищикнуть на него. – Действительно, на хрена ему на юг с племянницей ехать?

– Да и к тому же, – продолжил Димыч, вспомнив пляжную обиду, – если это, как он сказал, племянница, почему тогда не дал мне с ней познакомиться? А я ведь и подойти не успел, как он сразу на дыбы поднялся!

– В натуре! – еще раз повторил ушастый и одновременно с белобрысым согласно замотал головой.

На некоторое время молодые люди замолчали, и в эту тишину неожиданно вплелись звуки скрипки – Катюша продолжила свои упражнения.

– Во наяривает! – перекосил лицо в циничной ухмылке ушастый. – Еще и арии ему гоняет!

– За хорошие баксы и я тебе на гитаре слабаю так, что только держись! – поддержал его белобрысый.

На некоторое время все замолчали, глядя на Димыча. Тот, казалось, забыл о приятелях и, мечтательно зажмурив глаза, развалился на кровати.

– Да будь у меня столько бабок, сколько у этого черта расписанного, тянули бы эту малышку уже давно хором. – Встряхнув головой, как бы отгоняя сладостное видение, Димыч вдруг резко сел на постели.

Ушастый первым не выдержал паузы и робко спросил:

– Димыч, ты кассету забрал?

– А-а, – делано-равнодушно вспомнил Димыч, как всегда, позируя перед приятелями. – Сейчас достану.

Он подошел к книжной полке и достал с нее завернутую в тонкий полиэтилен видеокассету. Осторожно развернув обертку, он бережно извлек из картонного футляра драгоценное содержимое...

* * *

«Ил-86» серебристой стрелой пробил облака. Ровно гудя моторами, самолет мчался вперед. Пассажиры, те, которые не спали, смотрели в иллюминаторы, любясь красотами природы далеко внизу. Другие, будучи не столь рьяными ценителями красоты, потягивали из высоких бокалов коктейли и листали журналы.

В салоне VIP-класса один из пассажиров тоже смотрел в иллюминатор. Правда, задумчиво отсутствующий взгляд красноречиво говорил о том, что красоты раннего утра мало его интересуют. Человек размышлял о своих проблемах, а их у него было достаточно.

Салон VIP-класса отделан красным деревом. Казалось, не было таких услуг, которые вам не могли бы тут предложить: бар с напитками на любой выбор, отменная кухня ресторана, персонал, готовый тут же отреагировать на малейший чих

элитного пассажира. Огромных размеров телевизор «Хита-чи» сейчас был выключен. Засоркин Лев Валентинович хотел поразмышлять в тишине. Четверо его телохранителей почтительно сохраняли молчание, лишь иногда переговариваясь вполголоса между собой.

По случаю летней жары приятель Крытого был без пиджака, в белоснежной рубашке с короткими рукавами. Но галстук неизменно оставался при нем, как бы подчеркивая, что Лев Валентинович человек очень значимый и всегда серьезный.

Он сам всегда старался придерживаться строгого стиля в одежде, что немало помогало в делах и не давало расслабляться людям вокруг него. Была и вторая причина подчеркнуто стильного поведения бизнесмена Засоркина. С недавних пор, особенно когда он был признан, как принято выражаться, в верхних кругах, Лев Валентинович неожиданно стал стесняться своего зоновского прошлого. Ему постоянно казалось, что леди и джентльмены голубых кровей смотрят в его сторону с плохо скрытой насмешкой.

Поэтому Засоркин старался по возможности окружить себя невообразимой роскошью. Если машина – то самая крутая, если офис – то на Тверской и отделан так, что его можно перепутать с президентским дворцом. Причем соблюдать этот принцип Лев Валентинович старался абсолютно во всем, начиная с заколки для галстука.

Для того чтобы удовлетворить все свои потребности, нуж-

на была колоссальная сумма, а потому Засоркину приходилось много работать.

Вот и сейчас Лев Валентинович был погружен в размышления о текущих делах.

Появилась стюардесса в белоснежной блузке и короткой синей юбке. Она продефилировала по салону на своих умопомрачительно стройных ножках и обнажила в улыбке крупные ровные зубы.

– Лев Валентинович, ваш коктейль, – сладким голосом проговорила девушка.

Телохранители пригвоздились к девушке обалдевающими взглядами и на мгновение даже забыли о существовании своего босса.

На их квадратных суровых физиономиях отобразилось нечто подобное человеческому восхищению.

Сам Засоркин ответил стюардессе небрежным кивком и рассеянной улыбкой. Приняв свой кампари, он сделал небольшой глоток. Едва он снова поднес бокал ко рту, как зазвонил сотовый. Лев Валентинович досадливо поморщился и отдал бокал одному из своих «быков».

Спутниковый аппарат высветил номер абонента на табло. Человек в очках посмотрел на него и заметно помрачнел. В другой раз он непременно бы выругался, но сейчас сдержался. Лев Валентинович в последнее время старался избегать крепких выражений, а тем более в присутствии такой красивой женщины.

– Слушаю, – сухо бросил он в трубку.

– Здравствуй, дорогой, рад тебя слышать!

– Что тебе еще? – не поддержал радости собеседника За-соркин.

– Да я все о том же, – безмятежно парировал абонент. Судя по его акценту и теме разговора, это был все тот же армянин, что так давил на Льва Валентиновича еще в Москве. – Время дорого, дорогой! Мы о чем с тобой договаривались?!

– Тебе там, в Америке, хорошо время считать! – огрызнулся в ответ московский бизнесмен. – У меня люди строго по плану пашут, и сам я сейчас туда лечу. Скоро все готово будет! До встречи!

После этого он без колебаний отключил телефон и вновь отвернулся к иллюминатору, забыв про свое кампари. Телохрани-тель же боялся напомнить о бокале, видя, что шеф раздражен до крайности звонком американского партнера.

Один из бритой четверки склонился к уху приятеля и шепотом поинтересовался:

– Слышь, Колян, ты больше с самим кантуешься. Скажи, что это Льва Валича нашего в Крым потянуло? На Канарах или на Мальдивах прикольнее было бы! Или, например, во Флориду бы махнул! Что ему в голимой Ялте делать? Ностальгия по совковским временам, хе-хе?

– Много ты понимаешь. – Бритоголовый Колян в черном костюме придал своему лицу значимое выражение. – Он к корешу своему катит. Есть такой человек, зовут его Гри-

ша Крытый. Он в Веселогорске, что под Питером, «смотрящий». Они вместе с нашим папой в Мордовии зону топтали. Это раз. Второе – дело у Льва Валича в Ялте крутое.

– Я вообще не врубаюсь, – стараясь говорить тихо, просипел в ухо Колян у приятель. – Папа у нас отдыхает когда-нибудь или нет? Может, он круглосуточно капусту рубит, хе-хе?

– Если хочешь, как он, катить по жизни с ветерком, – невольно скаламбурил Колян, – будешь пахать!

Тем временем мелодичный голос объявил, что самолет идет на посадку.

Серебристой стрелой «Ил» прорезал белоснежную вату облаков, и неожиданно под крылом стало видно бескрайнее Черное море. Его темная поверхность была сплошь покрыта яркими золотистыми бликами, щедро разбросанными по водной глади утренним летним солнцем.

* * *

Южная ночь темным непроницаемым покрывалом окутала Ялту. Крупные звезды повисли на небосклоне. Круглая большая луна окрасила окрестности призрачным молочным светом. Тени деревьев, похожие на огромных страшных чудовищ, притаились на залитом серебристым мерцанием асфальте города. Купол церкви Святого Иоанна Златоуста тоже был посеребрен лунным светом.

Внизу тяжело ухало море. Оно с шумом бросало сильные волны на прибрежную гальку и затем лениво оттягивало их назад.

Крытый спокойно спал, когда раздался сильный стук в дверь. Сначала он подумал, что ему это показалось, но через несколько секунд стук повторился вновь.

«Какого ляду кому нужно?!» – подумал Григорий, но быстро поднялся и отправился открывать дверь.

В жизни Крытого случалось всякое, и он давно уже перестал удивляться некоторым ее странностям. Ему и самому немало приходилось «работать» по ночам.

Пока Григорий спускался на первый этаж, в дверь постучали еще раз.

«Менты без санкции, да еще ночью, ко мне не сунутся, – рассуждал он сам с собой по дороге. – Может, Тимофей Петрович?»

В дверной глазок был виден лишь худой невысокий силуэт человека, едва различимый в лунном свете.

– Кто там? – громко спросил Григорий. – Кто это людям спать не дает?

– Это от соседа вашего, – раздался хриловатый приглушенный голос, – он в большой беде!

– Какой сосед, в какой беде? – насторожился Крытый. Однако дверь незнакомцу открывать он не спешил.

– Отец Тимофей! – продолжал все тот же высокий, с заметной хрипотцой голос. – Понимаете, недавно церковь об-

чистили, в которой он настоятелем служит, потом выкуп требовали, теперь хотят к нему в дом залезть. Я это точно знаю!

– Откуда ты знаешь? – сердце Рублева забилося чаще. Он, как волк, напавший на свежий заячий след, моментально весь подобрался.

– Я видел грабителей и знаю, кто они такие! – продолжал все тот же хриплый голос. – Их было двое: один кудрявый, второй здоровый, видимо, в прошлом спортсменом был. Они гоняют по Ялте на «Форде».

«Катерина говорила, что они укатили на какой-то иномарке. Она также говорила, будто один из них был похож на цыгана – может, как раз этот кудрявый. Второй мужик точно, как Катька говорила, здоровяк был!» – все это Григорий быстро прокрутил у себя в голове, сравнивая рассказ племянницы с информацией неизвестного.

«А баба? Почему он про бабу ничего не говорит?!» – неожиданно подумал он и на всякий случай ради проверки поинтересовался:

– Там, кажется, с ними и третий был? Здоровенный такой бугай, как я слышал?

– Про третьего я ничего не знаю, но если мы не поспешим, то хана батюшке! – срывающимся тенорком воскликнул ночной гость.

«Голосок какой-то странный!» – подумал Григорий, но медлить больше не стал и отворил дверь. Все же часть событий неизвестным была описана достоверно, и из этого Кры-

тый заключил, что неожиданный ночной визитер действительно мог узнать о грозящей его новому другу опасности.

Пока он возился с замком, странный гость еще раз нервным голосом призвал его поспешить:

– Давайте быстрее, я вам по дороге все расскажу! А то стремно мне одному туда лезть. Не дай бог, узнают! Убьют же!

«Чего он боится? – подумал Крытый, наконец открыв замок. – На кой ляд тогда пришел, раз боится?!»

Он вышел за дверь, стараясь как следует разглядеть пришедшего к нему человека, но тот торопливо повернулся к нему спиной и, махнув рукой, позвал за собой.

Рублев успел отметить, что неожиданный визитер был уж больно худощав для мужчины.

Больше ничего подумать Крытый не успел, так как в это мгновение на его голову обрушился сильный удар, и он едва не потерял сознание. Однако, пошатнувшись, Григорий все же устоял на ногах и заметил справа от себя еще одну тень, вновь занесшую руку для следующего удара.

Григорий хотел обрушить на нападающего свой огромный кулачище и уже замахнулся было, но тут руку обожгла новая боль, и в голове вновь вспыхнул фейерверк.

Крытому еще повезло: стальная трубка пришлась по занесенной для удара руке и только вскользь прошла по голове, но этого вполне хватило, чтобы он потерял сознание.

Тот человек, что вызвал Григория во двор, моментом при-

соединился к остальным, и вся троица принялась с остервенением месить неподвижное уже тело. Они безжалостно отрывались до тех пор, пока не выдохлись сами. Крытый все равно уже ничего не чувствовал – тело его безвольно дергалось под ударами трех пар ног. Напавшие наконец остановились, тяжело дыша.

– Карманы проверьте, «рыжье» – все забирать! – скомандовал тот же слегка хриловатый голос.

Три пары рук потянулись к Крытому. Жадные пальцы стянули печатку, тускло блеснула в лунном свете великолепная цепь положенца и исчезла в кармане грабителя. Троица усердно продолжала трудиться, но от мерзкого занятия их внезапно оторвал громкий крик. Кричала девушка.

* * *

Катерина проснулась все от того же стука в дверь, который разбудил и ее дядю.

Сначала юной скрипачке показалось, что она ослышалась. Но потом стук повторился. Девушка приподнялась на локте и прислушалась. Точно! В дверь громко стучали. Она уже хотела идти разбудить дядю, как услышала его осторожные шаги.

Катерина вновь легла и накрылась простышкой – под одеялом спать было очень жарко. Близкий рокот волн невольно скрадывал едва слышный разговор внизу, да и, честно гово-

ря, юная красавица не больно-то и прислушивалась. Раз дядя Гриша пошел сам, значит, все будет в порядке.

Девчушка совсем недавно вновь обрела своего двоюродного дядю, но уже в достаточной мере поняла, что он очень надежный человек и за ним можно чувствовать себя спокойно как за каменной стеной.

Поэтому, едва услышав, что он спустился вниз, девушка сразу успокоилась. Но что-то все равно не давало ей уснуть. В полудреме Катерина слышала, как дядя с кем-то переговаривается через дверь. Потом на секунду голоса смолкли, затем послышался громкий тревожный голос с заметной хрипотцой, и Катя отметила, что, кажется, уже слышала недавно этот тенорок. Неожиданно послышался громкий вскрик, и следом дядя зло матюкнулся. После этого послышались крики и какая-то возня.

Сердцем Катерина поняла, что во дворике происходит что-то нехорошее. Не раздумывая, девушка накинула халатик и быстро спустилась по деревянной лестнице на первый этаж.

В открытую дверь девушка увидела жуткую картину: неподвижное тело ее любимого дяди Гриши и три темные фигуры, склонившиеся над ним и торопливо обшаривающие свою жертву. Темные пятна на лице Рублева отпечатались безобразными кляксами. Глаза закрыты.

– Сдох, кажись, уркаган! – сказал с придыханием один из нападавших, шаря рукой по шее неподвижного тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.